

ИСКУССТВО ЖИТЬ

Размышления Фрэнсиса Бэкона
о любви, дружбе, богатстве
и человеческой природе

КИТ СТРЕЙКВУД

Кит Стрейквуд
Искусство жить. Размышления
Фрэнсиса Бэкона о любви,
дружбе, богатстве и
человеческой природе

<https://litres.ru/74637733>

SelfPub; 2026

Аннотация

За доверчивость платят дорого. За самообман ещё дороже.

Фрэнсис Бэкон слишком хорошо знал людей, чтобы утешать их красивыми словами. Любовь ослепляет, лесть обезоруживает, честолюбие заставляет служить тому, чем мечтал владеть. Узнаёте кого-нибудь? А себя?

Откройте любой из 58 очерков и проверьте собственные решения на прочность. Кому доверять, когда говорить, как распорядиться деньгами, стоит ли мстить: здесь обсуждают вещи, в которых ошибка обходится годами жизни. Бэкон даёт редкое удовольствие беседы с умом, который замечает ваши оправдания раньше вас. Такого собеседника стоит держать под рукой.

Содержание

Глава 1. О правде	4
Глава 2. О смерти	9
Глава 3. О религии	13
Глава 4. О мести	22
Глава 5. О бедствиях	25
Глава 6. О прикрытии	27
Глава 7. О семейных узах	33
Глава 8. О браке	36
Глава 9. О ревности	40
Глава 10. О любви	49
Глава 11. О высоком положении	53
Глава 12. О мужестве	60
Глава 13. О добродетели	64
Глава 14. О дворянстве	68
Глава 15. О мятеже	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Искусство жить. Размышления Фрэнсиса Бэкона о любви, дружбе, богатстве и человеческой природе

Глава 1. О правде

«Что такое истина?» — так однажды с улыбкой спросил Пилат у окружающих. Он не надеялся получить какой-либо ответ. Настроение большинства людей меняется в зависимости от обстоятельств; они считают, что придерживаться каких-то убеждений — все равно что надеть на себя оковы, которые мешают мыслям и поступкам идти своим чередом. Хотя философы этой школы уже покинули этот мир, в нём всё ещё остаются некоторые болтливые умники, которые следуют по стопам тех мудрецов, но по сравнению с древними у них меньше мужества и больше высокомерия. Однако причина, по которой ложь способна завоевать симпатии людей, заключается не только в том, что в процессе поиска истины люди сталкиваются с теми или иными трудностями, требую-

щими приложения усилий, и не только в том, что, как только истина найдена, она оказывает влияние на мысли людей; одновременно люди испытывают к самой лжи врождённую, пусть и порочную, любовь.

В поздней Греции один философ размышлял над этим вопросом, поскольку не мог понять, почему некоторые лживые выдумки могут быть столь очаровательны, хотя они не обладают ни изяществом поэзии, ни способностью обогащать, как торговля. Но я не могу делать поспешных выводов, ибо истина — это неприкрытый солнечный свет, и если хотеть придать элегантность и благородство всевозможным маскарадам, костюмированным представлениям и торжествам победы в этом мире, то этот свет далеко не сравнится со светом свечей.

Если бы из умов людей были изгнаны все эти высокомерные мнения, обнадеживающие надежды, ложные оценки и произвольные фантазии, то в умах некоторых людей осталось бы совсем немного — только уныние и отвращение; те священники с суровыми лицами когда-то очень строго называли поэзию «вином дьявола». Ведь поэзия захватывает воображение, а сама по себе является лишь иллюзией лжи. Вредным для человека являются не мимолетные иллюзии в уме, а те призраки, которые проникают в глубину души и оседают там. Но даже если эти призраки глубоко укоренились в падших представлениях и чувствах людей, истина, подчиняющаяся только собственному суду, по-прежнему

учит нас искать истину, познавать истину и верить в истину. Искать истину — значит выражать ей любовь и просить ее руки, познавать истину — значит идти с ней рука об руку, а верить в истину — значит наслаждаться радостью истины; в этом заключается самое истинное и доброе в человеческой природе.

В те дни, когда Бог сотворил небо и землю и всё сущее, первым, что Он сотворил, было чувство, а последним — разум; с тех пор же Его работа в день субботний заключается в том, чтобы через Свой Святой Дух просвещать людей этого мира. Сначала Он пролил свет на поверхность материи, или, иначе говоря, на хаос, а затем направил этот свет на лицо каждого человека. И поныне Он продолжает озарять Своих избранных светом, позволяя им наслаждаться этим солнечным сиянием.

Философия сентиментализма во многих отношениях поверхностна, но один из её поэтов вошёл в историю благодаря неустанному стремлению к истине. Он однажды сказал:

«С высоты взирать на корабли, плывущие по бурному морю, — это удовольствие; стоять в крепости и наблюдать за полем битвы, где идет ожесточённая схватка, — тоже удовольствие; но ничто не сравнится с тем удовольствием, которое испытываешь, взобравшись на вершину истины и взирая свыше на всевозможные заблуждения и иллюзии, дым и изгибы этого мира!»

(«Приятно стоять на берегу и наблюдать, как корабли бро-

сает на волнах; приятно стоять у окна крепости и видеть внизу битву и происходящие там приключения; но ничто не сравнится с удовольствием стоять на возвышенности истины и видеть заблуждения, блуждания, туманы и бури в долине внизу.»)

— при условии, что тот, кто так смотрит свыше, не будет гордиться и самодовольствоваться. Эти слова сказаны просто великолепно! Да, если сердце человека наполнено всеобщей любовью к человечеству, то его поступки будут следовать высоким нравственным принципам и всегда вращаться вокруг оси истины; то есть, хотя он и живёт среди людей, на самом деле он уже вступил в рай.

Выше речь шла о теологической и философской истине, а теперь давайте поговорим об истине в мирских делах. Люди осознают, что даже те, кто не разбирается в этом, вынуждены признать: откровенность и честность в отношениях с людьми — это слава человеческой природы, а смешение истины с ложью подобно сплаву золота и серебра, который, хотя и улучшает эксплуатационные качества этих металлов, тем не менее снижает их пробу. Эти извилистые и уловчивые поступки подобны ползанию змеи: змея не ходит на ногах, а ползет по земле на брюхе. Самым постыдным злом является то, что человека уличат в нечестности и неверности. Поэтому, если человека упрекают во лжи, он теряет лицо и становится отвратительным.

Если обман и мошенничество раскрываются другими, это

и есть самое унижительное. Поэтому Монтень, исследуя, почему обман вызывает такое чувство позора и отвращения, дал очень точную объяснение: «При внимательном рассмотрении можно обнаружить, что, лгая, человек больше боится людей, чем Бога; оказывается, ложь — это обман Бога перед людьми». Поэтому лицемерие и вероломство побудят Бога прозвучать колокол, возвещающий о последнем суде над человечеством, и зло их заключается именно в несоблюдении обещаний. Существует пророчество, гласящее, что когда Христос вновь придет в этот мир, «в этом мире Он не найдет ни честности, ни нравственности».

Глава 2. О смерти

Перед лицом смерти люди преисполнены страха, подобно тому, как ребёнок боится идти один в темноте; причём чем больше сказок слышит ребёнок, тем сильнее становится его врождённый страх — то же самое происходит и со страхом людей перед смертью. Конечно, рассматривать смерть как возмездие за грехи и путь в иной мир — это свято и благочестиво, а бояться смерти, считая её данью, уплачиваемой природе, — проявление слабости. Однако в религиозных размышлениях порой смешиваются тщеславие и суеверие. В некоторых книгах католических священников, наполненных аскетическими идеями, можно прочесть такие слова: представьте, что один палец сдавливают или зажимают так, что он причиняет боль; а теперь представьте, что смерть приведет к гниению и разложению всего тела — какими же будут эти мучения?

На самом деле страдания смерти вовсе несопоставимы с болью от телесных наказаний, ведь эти важнейшие органы, поддерживающие жизнь, не являются самыми чувствительными частями тела. Поэтому, как сказал тот древний мудрец, писавший как философ и как обычный человек:

страдания, сопутствующие смерти, страшнее самой смерти.

(*pompa mortis magis terret quam mors ipsa.*)

Стенания и судороги, искажённые и побледневшие лица, скорбь близких, траурная одежда и похороны — все эти сцены демонстрируют ужас смерти.

Однако человеческий дух не настолько уязвим, чтобы не смочь противостоять и преодолеть страх перед смертью. Человек может призвать на помощь многих союзников, помогающих преодолеть страх перед смертью: ненависть позволяет победить смерть, любовь — презирать её, честь — смело встретить её, а скорбь — мужественно принять её; в то же время душа, мучимая трусостью и слабостью, умирает ещё до наступления самой смерти.

Мы все знаем, что после самоубийства императора Оттона многие его подданные, движимые верностью и сочувствием к нему, сопровождали его навстречу смерти. Кроме того, Сенека добавил ещё одну причину, по которой люди не боятся смерти: притязательность и усталость. «Подумай, сколько времени ты тратишь на одно и то же! Если так, то не только смелые и опечаленные люди будут думать о смерти, но и те, кого одолевают заботы, тоже захотят умереть». То есть даже человек, о котором нельзя сказать, что он обладает особой храбростью или находится в крайней нищете, если ему приходится постоянно повторять одно и то же до тех пор, пока это не наскучит, предпочтет умереть.

Но следует чётко указать ещё на одну вещь. А именно: смерть не способна покорить великую душу. Такой человек до последнего мгновения жизни останется прежним и не

утратит своей сущности.

Великий император Август на смертном одре думал только о любви: «Прощай, Ливия, моя возлюбленная, пожалуйста, не забывай наше прошлое!»

Император Тиберий же совершенно не обращал внимания на приближение смерти, как писал Тацит: «Хотя его физические силы с каждым днём слабели, его ум оставался по-прежнему острым».

Фиспас смог встретить приход смерти с юмором: сидя в кресле, он сказал: «Неужели я так и пойду в рай, чтобы стать богом?»

Гальба, стоя перед лицом смерти, смело обратился к убийцам: «Убейте меня, если это пойдет на благо римскому народу!» После чего он спокойно подставил шею под меч.

Сенариус до самой смерти думал только о работе; его последние слова были: «Если от меня ещё что-то требуется, то поскорее дайте мне это, у меня осталось мало времени». Таких людей, которые смотрят смерти в глаза, было немало.

Мы видим, что стоики придавали смерти огромное значение, и, поскольку их подготовка к ней была чрезмерно торжественной, это делало смерть ещё более устрашающей. Кто-то выразился ещё более метко: «Конец жизни — одна из милостей, дарованных небесами».

И смерть, и жизнь — это естественные явления. Для младенца рождение, возможно, столь же мучительно, как и смерть. Человек, умирающий в пылу стремления, подобен

тому, кто получает рану в момент, когда кровь бурлит в жилах, и в тот момент не чувствует боли. Поэтому, когда люди твердо решили и упорно стремятся к добру, они не ощущают ужаса смерти. Но самое главное — верить в то, что в этом мире существует самая сладкая песня, а также в то, что говорит человек, достигший значимого результата и оправдавшего свои ожидания: «Всемогущий Господь! Теперь Ты можешь, по Своей воле, освободить Своего раба, чтобы он ушел с миром». Кроме того, смерть играет ещё одну роль: она избавляет от всех земных бедствий и открывает врата чести и похвалы — «Тот, кого при жизни окружала зависть, после смерти будет любим и воспоминаем людьми».

Глава 3. О религии

Религиозные верования являются одной из важнейших опор, на которых держится человеческое общество. Если бы религиозные верования были едиными, то этот мир был бы счастливым. Для неверующих споры и разногласия по поводу религии являются беспрецедентным злом. По этим причинам религия неверующих уделяет больше внимания обрядам и церемониям, а не какой-то вечной и неизменной вере. Поскольку их богословские авторитеты — это поэты, нетрудно представить, какую религию они исповедуют и каким идолам поклоняются. Однако истинный Бог обладает Своими собственными чертами, а именно: Он — «Бог, склонный к ревности», поэтому поклонение Ему и вера в Него не допускают ни смешения истины с ложью, ни того, чтобы кто-либо делил с Ним это поклонение.

Именно по этой причине мы сейчас хотим затронуть тему единства Церкви. Поговорим о том, в чём заключаются преимущества религиозного единства, где пролегают его границы и какими могут быть пути его достижения.

Помимо высшей цели — прославления Бога — у религиозного единства есть ещё две цели, уступающие по важности первой. Одна из них касается людей, находящихся вне церкви, а другая — тех, кто входит в её состав. Что касается первого пункта, то появление ересей и возникновение раздоров

внутри религии являются главными виновниками всех скандалов, и это гораздо хуже, чем искажение правил и порядка проведения религиозных обрядов. Травмы или вывихи суставов в человеческом теле представляют большую опасность, чем загрязнение нечистыми телесными жидкостями, то же самое верно и в отношении духовной жизни человека. Поэтому самый эффективный способ не допустить присоединения к церкви людей, не принадлежащих к ней, и побудить тех, кто находится в церкви, но стремится из нее выйти, — это разрушить единство церкви.

Поэтому, при любых обстоятельствах, когда дело доходит до такого критического момента, если кто-то скажет: «Смотрите, Христос в поле», а другой: «Смотрите, Христос в комнате» — то есть, если одни ищут Христа в еретической церкви, а другие — за пределами церкви, — тогда в ушах зазвучит голос: «Не выходите».» Святой Павел однажды сказал: «Если язычник услышит ваши противоречивые учения, то, боюсь, он подумает, что здесь собралась banda сумасшедших?» Если многочисленные противоречия и конфликты в Церкви станут известны атеистам и светским людям, то их мнение наверняка не будет лучше мнения упомянутых выше язычников; такая ситуация подтолкнет их покинуть Церковь и занять место среди «богохульников».

Давным-давно один мастер юмора включил в свою вымышленную серию книг произведение под названием «Танец моров у язычников». Приведение этого примера при об-

суждении столь серьёзного вопроса может показаться недостаточно торжественным, но этот случай в полной мере демонстрирует миру смехотворные лица этих язычников. Ведь различные течения среди язычников отличаются друг от друга своими позы и кокетливыми манерами, что не может не вызывать насмешек со стороны обычных людей и низкопробных политиков, которые издавна не проявляют почтения к святыням.

Влияние религиозного единства на членов Церкви заключается в мире, а мир несет в себе безграничное святое: мир укрепляет веру, мир пробуждает в людях любовь к ближнему, внешний мир Церкви преобразуется в покой совести, и, кроме того, мир перенаправляет усилия, затрачиваемые на написание и чтение полемических статей, на написание и чтение трактатов и благочестивых сочинений.

Что касается границ религиозного единства, то их точное определение имеет решающее значение. В настоящее время, по-видимому, существуют две крайние точки зрения: для некоторых фанатиков любые мирные разговоры выглядят отвратительно. Как сказано в Ветхом Завете: «Какое тебе дело до мира? Отойди от меня». Фанатиков интересует не мир, а создание фракций. Напротив, приверженцы некоторых сект и равнодушные люди полагают, что могут сохранять нейтралитет и беспристрастность, ловко прибегая к компромиссам и уступкам для урегулирования межконфессиональных споров, словно они способны выносить справед-

ливые решения между Богом и людьми.

Мы должны трезво осознавать, что обе эти крайности необходимо избегать, и если правильно и ясно объяснить христианский завет, установленный самим Спасителем, с помощью следующих двух диаметрально противоположных изречений, то вышеупомянутые две крайности вполне можно избежать. Эти две пословицы гласят: «Тот, кто не наш друг, — наш враг» и «Тот, кто не наш враг, — наш друг»; иными словами, необходимо различать и отделять то, что касается самых сущностных и важнейших вопросов веры, от того, что не относится к вере в полном смысле этого слова, а является лишь второстепенными деталями, связанными с различиями во мнениях, обрядах или понятиях. Многим это может показаться мелочью, которая уже решена, но если при решении этих вопросов будет меньше личных предвзятостей, то они будут встречены с более широким одобрением.

В этой связи мы можем, руководствуясь некоторыми моими соображениями, дать следующий совет. Люди должны следить за тем, чтобы Церковь Божья не подвергалась расколу из-за двух видов споров. Один из них заключается в том, что обсуждаемые вопросы слишком незначительны и несущественны; на самом деле эти мелочи не заслуживают столь горячих споров и даже ссор, а спор возникает лишь из-за противоречий. Один из ранних христианских авторов, святой Августин, отмечал: «Одеяние Христа, безусловно, долж-

но быть святым и непорочным, но одеяние Церкви имеет иной цвет»; поэтому он говорил: «Это одеяние может быть самых разных фасонов, но в нём ни в коем случае не должно быть повреждений и разрывов»; одеяние Христа и одеяние Церкви — это две совершенно разные вещи, то есть раскол и единство.

Есть ещё один вид споров, касающихся сущностных вопросов, но в конечном итоге они часто погружаются в чрезмерную глубину и непонятность, в результате чего становятся делом исключительно техническим, а не сущностным. Человек, обладающий хорошей способностью к суждению и пониманию, иногда слышит, как невежественные люди высказывают разные мнения, но в душе он ясно понимает, что те, между кем существуют большие разногласия, на самом деле говорят об одном и том же, хотя они этого ни за что не признают. Если между людьми существуют столь значительные различия в суждениях, то разве мы не можем полагать, что Бог, знающий человеческую душу, на самом деле уже усмотрел, что эти слабые люди в своих противоречивых высказываниях говорят об одном и том же, и поэтому принимает все эти противоречивые высказывания? Суть такого спора блестяще выразил святой Павел, который в отношении того же самого вопроса дал предупреждение и наставление:

«Избегай нечестивых пустых разговоров и нелепых споров так называемого „знания“» (*Devita profanas vocum novitates, et oppositions falsi nominis scientiae.*)

Люди создают противоположности, которых на самом деле не существует, и придают этим противоположностям совершенно определённые новые названия, в результате чего термины, которые должны были бы подчиняться смыслу, на самом деле подчиняют себе смысл. Существуют также два вида ложного мира, или, если угодно, единства: один из них заключается в том, что основа мира — не что иное, как абсолютное невежество, ибо во тьме все цвета одинаковы. Другой — это всеобъемлющее принятие всех представлений и теорий, по сути противоречащих друг другу. В результате истина смешивается с заблуждением, и в таком случае истинное и ложное подобны статуе, явившейся во сне Навуходоносора: пальцы ног этой статуи наполовину из железа, наполовину из глины; железо и глина могут склеиваться, но никогда не сплавятся в одно целое.

Говоря о способах достижения религиозного единства, люди должны помнить: нельзя ради достижения или укрепления религиозного единства произвольно отменять и разрушать нормы милосердия и человеческого общества. У христиан есть два меча: один используется для решений, касающихся души, а другой — для решений, касающихся мирских дел. В деле защиты религии оба они имеют равную ответственность и значение. Однако ни в коем случае нельзя использовать третий меч — меч Мухаммеда или подобные ему средства. То есть нельзя прибегать к силе как к средству проповеди или принуждать людей менять веру с помощью кро-

вавых преследований, за исключением случаев, когда имеют место вопиющие оскорбления Церкви, богохульство или когда религия смешивается с заговором, направленным на свержение государства. Тем более нельзя подстрекать враждебные силы, пропагандировать и организовывать восстания, а также выдавать мечи различным группам населения, намеренно стремящимся к свержению правительств, следующих воле Бога. Ибо использование силы для проповеди равносильно тому, чтобы ударить первой скрижалю Закона, данной Богом, по второй скрижали, и в результате считать всех людей христианами, забывая при этом, что христиане — прежде всего люди. Когда поэт Лукреций увидел, как Агамемнон безжалостно принес в жертву свою родную дочь, он воскликнул:

«Как же религия может заставить человека совершить столь великое зло?»

Но если бы он мог увидеть массовую резню еретиков в ночь на 23 августа 1572 года во Франции, известную как «Бартоломеевская ночь», а также заговор верующего Фокса, направленный на убийство английского короля и членов парламента 5 ноября 1605 года, у него было бы ещё больше оснований для такого восклицания, и он бы ещё решительнее выступал против религии и отстаивал атеизм!

Поэтому этим земным мечом не следует безрассудно размахивать из-за вопросов религиозных убеждений! А если меч религии будет передан в руки простого народа, это ста-

нет самым нелепым и ужасным поступком! К такому поступку прибегают только дьявол и фанатичные суеверники из числа «ребаптистов». Дьявол сказал: «Я пойду в рай и буду равен Богу», — это, безусловно, беззастенчивое богохульство, но если бы Бог пришел на землю и сказал: «Я спущусь в мир людей и буду таким же ужасным, как дьявол», — разве это не было бы ещё более беззастенчивым богохульством? Однако если во имя религии убивать монархов, истреблять народ, свергать государства и правительства, — это все равно что превратить символ Святого Духа из голубя в орла и ворону, а корабль, спасающий всех живых существ, — в жестокий и полный греха пиратский корабль. Разве все эти поступки не являются богохульством?

Поэтому в отношении всех действий, подстрекающих к насилию во имя религии и веры, а также всех еретических учений, оправдывающих такие действия, правители должны использовать свой законный меч, а ученые — свои перья, подобно золотым жезлам ангелов, чтобы искоренить все слова и поступки, способствующие вышеперечисленным злодеяниям, и низвергнуть их в ад, где они не смогут спастись ни в каком веке!

Среди всех теорий о религии нет ни одной, которая превосходила бы по мудрости слова апостола святого Иакова: «Гнев не может истинно воплощать Божию справедливость!» Еще один священнослужитель сказал не менее многозначительные слова: «Тот, кто угнетает чужую совесть и веру,

обычно делает это ради достижения своих собственных целей!»»

Глава 4. О мести

Мсть воплощает в себе своего рода варварскую справедливость, и чем ближе к ней приближается человеческая природа, тем больше необходимо, чтобы закон и цивилизация искоренили её. Ведь когда совершается преступление, оно лишь нарушает закон, но если за это преступление применяется мсть, то это уже превышение полномочий закона. Нельзя отрицать, что если человек мстит своему врагу, то он и его враг оказываются на одном уровне; однако если он не помнит старых обид и относится к нему с терпимостью, то он превосходит своего противника, ибо воздержаться от мести — это поступок великого человека. Мы убеждены, что, как когда-то сказал Соломон:

«Прощение чужих проступков — это слава прощающего».

(It is the glory of a man to pass by an offence.)

Прошлое осталось в прошлом и не вернётся, а мудрый человек всегда стремится сосредоточиться на настоящем и будущем, поэтому тот, кто заикливается на прошлом, лишь обманывает самого себя. В этом мире нет людей, которые творили бы зло ради самого зла; те, кто творит зло, делают это ради славы, корысти, удовольствий или чего-то подобного. Поскольку это так, у меня нет причин гневаться на других за то, что они любят себя больше, чем любят меня. Да-

же если кто-то творит зло из-за своей злобной натуры, такой человек — не более чем терн. Терн ранит людей, потому что такова его природа.

Есть преступления, за которые пока не существует соответствующих законов, позволяющих привлечь виновных к ответственности и наказать их, поэтому люди часто прибегают к самостоятельным мерам возмездия, и это заслуживает наибольшего прощения. Однако следует помнить, что такие действия возмездия допустимы только при условии, что закон не предусматривает наказания за них. В противном случае это приведет к тому, что, нанеся врагу одну неприятность, вы навлечете на себя двойную, и в результате враг все равно окажется в выигрыше — это принесет боль близким и радость врагам.

Некоторые предпочитают мстить врагам открыто и честно, и это достойно похвалы и восхищения. Ведь мотив мести заключается не только в том, чтобы причинить страдания противнику, но и в том, чтобы заставить его раскаяться и признать свою вину. Но некоторые подлые и низкие трусы специально прибегают к интригам и коварным уловкам, чтобы отомстить; они предпочитают наносить удары из-за спины, не давая понять, откуда был выпущен удар.

Великий герцог Флоренции Козимо когда-то в очень резких выражениях осуждал вероломство и неблагодарность друзей, считая такие гнусные поступки непростительными. Он говорил, что в «Библии» можно прочесть учение Хри-

ста о том, что мы должны прощать врагов, но никогда не найдёшь учения о том, что мы должны прощать друзей. Однако до сих пор духовный уровень Иова остаётся на ступень выше: он говорил: «Как мы можем надеяться только на Божье благословение и жаловаться на Божье наказание?» Несомненно, тот, кто постоянно думает о мести, лишь заставляет свою рану оставаться свежей, как в первый день, тогда как она могла бы быстро зажить.

Только месть, совершаемая во имя общего блага государства, приносит удачу мстителю — например, месть за смерть императора Цезаря, за смерть Пертина, а также месть за смерть французского короля Генриха III и т. д. Но если речь идет о личной мести, то такой удачи не будет; напротив, те, кто каждый день думает о мести врагу, будут вести жизнь, подобную жизни колдуна: их существование вредно для людей, а смерть — достойна сожаления и печали.

Глава 5. О бедствиях

«Люди всегда стремятся к благам благоприятных обстоятельств, но в равной мере восхваляют и преимущества неблагоприятных обстоятельств».

(*Bona rerum secundarum optabilia; adversarum irabilia.*)

Это очень мудрая фраза Сенеки. Действительно, если чудо и является чем-то необыкновенным, то оно часто проявляется именно в процессе преодоления невзгод. Сенека также высказал ещё одну, ещё более глубокую мысль: «Истинное величие заключается в том, чтобы, обладая хрупким телом смертного, иметь непобедимую божественность». Это прекрасная фраза, похожая на стих, в которой заключён глубокий смысл.

Чудеса всегда были излюбленным предметом творчества поэтов, поскольку они, по сути, являются воплощением фантазии древних поэтов, кажутся не лишенными таинственности, а их поступки в некоторых случаях даже напоминают поступки христиан. Описанная древними поэтами история о том, как Геракл, сидя в глиняном корыте, переплыл море, чтобы спасти Прометея, наказанного за то, что он украл огонь для человечества, также ярко иллюстрирует мужество христиан, использующих свои плотские тела в качестве лодки, чтобы преодолеть бурные волны земной жизни.

В условиях благополучия нам нужна добродетель умерен-

ности, а в условиях невзгод — добродетель терпения; с точки зрения нравственного совершенствования последняя является более ценной, чем первая. Поэтому «Ветхий Завет» Библии рассматривает благополучие как Божье благословение, а «Новый Завет» — невзгоды как Божий дар. Ведь именно в невзгодах Бог дарует людям большую милость и более непосредственное откровение. Если вы прислушаетесь к прекрасной игре Давида на арфе в псалмах «Ветхого Завета», то услышите не только хвалебные песни, но и столько же голосов страдания. А описание Святым Духом страданий Иова гораздо ярче, чем изображение богатства Соломона.

В благополучных временах также бывает много страхов и беспокойств, а в бедствиях не совсем отсутствуют утешение и надежда. На вязаных и вышитых изделиях мы видим, что яркий узор, выделяющийся на глубоком и тёмном фоне, доставляет больше радости, чем печальный узор тёмного цвета на светлом фоне; поэтому судите о радости сердца по радости взгляда. Нельзя отрицать, что добродетель подобна драгоценным пряностям, которые источают аромат только при сжигании или измельчении: благоприятные обстоятельства лучше всего раскрывают зло, а бедствия — добродетель.

Глава 6. О прикрытии

Для некоторых притворство — не более чем проявление слабости и хитрости. Ведь чтобы правильно выбрать момент для правды и действий, необходимы ясный ум и сильный дух.

(Притворство — это лишь слабая форма политики или мудрости; ведь чтобы понять, когда нужно говорить правду и действовать, требуются острый ум и сильное сердце.)

Поэтому среди политиков слабыми являются именно те, кто лучше всех умеет притворяться.

Тацит однажды сказал: «Ливия сочетала в себе остроумие своего мужа и сдержанность своего сына. Её остроумие унаследовано от Августа Цезаря, а сдержанность — от Тиберия».» Тацит также отмечал, что, когда Мосинус советовал Фиспасу войти в Витриум, он сказал: «Враг, с которым мы сейчас сталкиваемся, не обладает ни проницательной мудростью Августа, ни той скрытой глубиной, которая была присуща Тиберию».

Все эти примеры служат для разграничения двух качеств — стратегического ума и сдержанности. И эти два качества действительно следует чётко различать. Ибо если человек обладает такой проницательностью, что способен понять, что следует раскрывать, что следует скрывать, а что следует показывать лишь отчасти, и при этом ясно понимает,

кому и когда это показывать, то для такого человека привычка скрывать на самом деле является препятствием и неразумным приёмом. Однако если человек не обладает такой способностью к суждению, то, как правило, ему следует действовать осторожно и стать мастером прикрытия. Ведь когда человек сталкивается с трудностями, но не может импровизировать, лучшим выходом будет выбрать тот вариант, который кажется самым безопасным и надежным — точно так же, как человек с плохим зрением идет по улице, держась устойчиво.

Опыт показывает, что великие люди всех времён и народов всегда действовали открыто и честно, заслужив репутацию честных и верных своему слову людей, однако они подобны хорошо выдрессированным скакунам, которые, двигаясь вперёд, умеют определять, когда следует остановиться, а когда — обойти препятствие; и в такие моменты, то есть когда они считают, что некоторые вещи необходимо скрыть, и действительно скрывают их, им, как правило, удаётся обмануть окружающих, поскольку их репутация честных и открытых людей давно разнеслась далеко и широко, что зачастую делает их обман практически незаметным для окружающих.

Существует три способа самозамаскировки.

Во-первых, это молчание, поскольку молчание лишает других возможности раскрыть тайну.

Во-вторых, это намеренное создание дымовой завесы, от-

влекающей внимание окружающих. То есть раскрывается лишь одна сторона дела, в то время как более важные аспекты истины остаются скрытыми.

Третий способ — распространение лжи. То есть намеренное создание ложных представлений, используемых для сокрытия правды.

Что касается первого пункта, то опыт показывает, что люди, умеющие хранить молчание, часто завоевывают доверие окружающих. Это качество называют «добродетелью священника». Ведь именно священник, строго хранящий тайны, имеет больше всего возможностей услышать исповеди. Ведь кто же захочет открыть душу и раскрыть свои сокровенные тайны болтливому человеку?

Подобно тому, как вакуум впитывает воздух, молчаливый человек способен впитать в себя сокровенные тайны, глубоко спрятанные в душах многих людей. Человеческая природа такова, что человек готов излить душу только тому, кого считает наиболее способным хранить тайну, стремясь облегчить бремя своей души. Поэтому можно сказать, что умение хранить молчание — одно из средств, позволяющих узнать больше о тайнах других людей.

С другой стороны, излишняя откровенность нередко вызывает чувство стыда. А человек, умеющий молчать, выглядит очень достойно. Поэтому умение молчать — это признак хорошего воспитания. Мы можем заметить, что болтливые люди — это пустые и неприятные личности. Ведь они об-

суждают не только то, что знают, но и то, чего не понимают. Следует также обратить внимание на то, что молчание предполагает не только сдержанность в речи, но и контроль над мимикой. Обычно при наблюдении за человеком самым явным проявлением его внутреннего мира являются линии вокруг рта. Мимика — это отражение душевного состояния, и её способность привлекать внимание и завоевывать доверие порой даже превосходит силу слов.

Теперь давайте рассмотрим второй способ — создание дымовой завесы. Эта стратегия обычно используется, когда необходимо сохранить важную тайну, поэтому в некоторой степени человек, строго хранящий секреты, в первую очередь должен быть мастером создания дымовой завесы. Ведь люди слишком хитры, чтобы позволить вам оставаться нейтральным и беспристрастным, не позволяют вам глубоко скрывать секреты в сердце, не раскрывая их ни одной из сторон. Они будут задавать вам массу вопросов и пытаться склонить вас к разговору; короче говоря, они будут изо всех сил пытаться выведать тайну, скрытую в глубине вашего сердца. В результате, если вы хотите избежать нелепого и противоречащего здравому смыслу молчания, вы неизбежно проговоритесь в какой-то фразе; то есть даже если вы будете хранить молчание, они смогут уловить подтекст в вашем молчании, точно так же, как и в ваших словах. Что касается уклончивых ответов и увиливаний, то они могут лишь временно отвлечь внимание, но не являются долгосрочным ре-

шением. Поэтому, если не научиться использовать умение создавать дымовую завесу, никому не удастся сохранить секрет — ведь дымовая завеса, в конце концов, является «одеждой» секрета.

У маскировки есть три главных преимущества. Первое преимущество заключается в том, что она позволяет ослабить бдительность противника и застать его врасплох. Ведь если человек открыто заявляет о своих мотивах, это равносильно тому, что он подает сигнал тревоги, собирая воедино всех своих противников. Второе преимущество заключается в том, что это оставляет себе достаточно широкий путь к отступлению. Ведь если человек связывает себя чётким заявлением, ему придётся либо добиться успеха, либо потерпеть крах. Третье преимущество заключается в том, что так легче проникнуть в мысли других. Ведь человеку, раскрывшему свои мысли, трудно высказать противоположное мнение; напротив, это подталкивает его продолжать, превращая свободу слова в свободу мысли. Поэтому испанская пословица «Одна ложь может помочь раскрыть правду» — это одновременно блестящая и проницательная поговорка, словно только через обман можно докопаться до истины.

У обмана и прикрытия также есть три недостатка, которые взаимно компенсируют три вышеперечисленных преимущества. Во-первых, обычно при обмане и прикрытии из-за психологического беспокойства проявляется страх, а в любой ситуации это заставляет перья на стреле встать дыбом, из-

за чего стрела больше не летит прямо к добыче. Во-вторых, обман и сокрытие вводят многих в заблуждение и сбивают с толку; в противном случае мы, возможно, стали бы с ними сотрудничать, а так обман и сокрытие зачастую заставляют человека идти к своей цели в одиночку. Третьим и самым серьезным недостатком является то, что обман и сокрытие лишают человека важнейшего инструмента действия — доверия и уверенности.

Лучшие качества и черты характера человека — это репутация откровенности и привычка хранить тайны. Кроме того, следует уметь вовремя прибегать к прикрытию, а в тех случаях, когда исправить ситуацию невозможно, нужно обладать умением притворяться.

Глава 7. О семейных узах

Родители вынуждены скрывать от своих детей свою радость, заботы и страхи. О своей радости им не нужно говорить, а о своих заботах и страхах — нельзя говорить. Ведь дети делают их труды сладкими, но также усугубляют их несчастья. Дети увеличивают их жизненную ношу, но при этом облегчают их страх перед смертью.

Хотя все животные в мире продолжают род и обеспечивают преемственность, только у людей есть стремление войти в историю и совершить великие дела. Однако на самом деле многие люди, не имеющие детей, совершили множество выдающихся подвигов, и когда их физический облик больше не может быть воссоздан, необходимо стремиться воплотить образы, хранящиеся в их сердцах и мыслях. Поэтому именно те, у кого нет потомства, больше всего заботятся о будущих поколениях. Те, кто создал семью раньше, чем построил карьеру, чрезмерно балуют своих детей; они не только рассматривают детей как наследников своего рода, но и как преемников своей карьеры, поэтому они чрезмерно балуют детей, а их образование и развитие оставляют на самотек.

Любовь родителей к детям зачастую бывает не совсем сбалансированной, а порой даже совершенно неуместной, особенно со стороны матери. Как сказал Соломон: если сын умен, то отец радуется, а если сын глуп, то мать испытывает

невыносимый стыд. Все знают: если в семье много детей, то среди них чаще всего больше всего внимания уделяется старшему, младшего чаще всего балуют, а среднего в какой-то степени чаще всего игнорируют, хотя именно эти средние дети зачастую добиваются наибольшего успеха.

Если родители будут чрезмерно скупы в отношении карманных денег ребенка, это принесет больше вреда, чем пользы: ребенок станет подлым, научится обманывать и ухитряться, а может даже заведет дурную компанию; к тому же, когда в будущем у него появятся деньги, он станет безмерно расточительным. Поэтому лучший подход заключается в следующем: родители должны, не подрывая свой авторитет, следить за тем, чтобы их кошелек не опустел. Взрослые любят поощрять соперничество между детьми, когда те ещё маленькие, но такая практика часто приводит к разладу между ними во взрослом возрасте, что, согласно, разрушает семейное согласие.

Итальянцы не делают различия между своими детьми, племянниками, племянницами или другими родственниками: если они принадлежат к одной семье, то даже если это не их родные дети, это не имеет значения. То есть в плане характера ситуация в целом такая, что иногда мы видим, как племянник по характеру больше похож на своего дядю или другого родственника, чем на собственного отца. Родители должны как можно раньше выбрать для детей профессию и путь развития, которым они хотят, чтобы дети следовали,

поскольку именно в этот период дети наиболее податливы; при этом родители не должны чрезмерно прислушиваться к пожеланиям детей, полагая, что то, чем дети больше всего хотят заниматься, им обязательно понравится. Действительно, если у детей есть необычные увлечения или склонности, лучше не отрицать их. Однако в целом следующая пословица будет полезна родителям при воспитании детей:

«Выбирай лучший путь, и привычка сделает его приятным и легким».

(*Optimum elige, suave et facile illud faciet consuetude.*)

В семье, где есть несколько братьев, успеха обычно добивается младший брат, а случаи, когда старший брат лишается права на наследство, крайне редки или, можно сказать, вообще не встречаются.

Глава 8. О браке

Тот, кто создал семью, имея жену и детей, равносильно отдал в залог богине судьбы, ибо жена и дети являются препятствием на пути к великим делам — будь то великие добрые дела или великие злодеяния. Нельзя отрицать, что лучшие и наиболее заслуживающие похвалы поступки на благо общества в большинстве случаев совершаются людьми, не состоящими в браке или не имеющими детей, поскольку в эмоциональном и материальном плане они словно женились на обществе или отдали ему свое приданое. Однако у тех, у кого уже есть дети, есть веские причины заботиться о своём будущем, и они должны дать будущему самое ценное обещание.

Есть люди, которые предпочитают вести одинокую жизнь, поэтому они заботятся только о себе и считают, что будущее к ним не имеет отношения. Более того, есть и такие, кто рассматривает жену и детей лишь как счета, которые нужно оплатить. Более того, некоторые богатые и глупые скряги даже гордятся тем, что у них нет потомков, которые унаследовали бы их состояние, поскольку считают, что так они смогут стать ещё богаче. Услышав, как кто-то говорит: «Такой-то — большой миллионер», они с упорством возражают: «Ну и что? У него много детей, поэтому его бремя тоже будет тяжелым», — словно дети уменьшают его богатство.

Однако те, кто предпочитает одиночество, обычно делают это ради свободы, что особенно ярко проявляется у некоторых самодовольных и эксцентричных людей, которые настолько чувствительны к любым ограничениям, что даже ремни и подвязки для чулок кажутся им кандалами, сковывающими их свободу. Одинокие люди часто являются синонимами верных друзей, благодетелей или преданных слуг, но не все они являются верными и послушными подданными, поскольку, не имея никаких привязанностей, они могут улететь далеко, да и бродяги в чужих краях почти всегда одиноки. Монахи и отшельники очень нуждаются в одинокой жизни, потому что, если они в первую очередь отдадут любовь своей семье, им будет трудно спасти всех живых существ. Не имеет значения, являются ли судьи всех уровней безбрачными, ведь если они легко поддаются чужому влиянию и занимаются коррупцией и злоупотреблением властью, то виновниками всего этого, скорее всего, являются их советники, а не жены. Что касается солдат и воинов, то мы замечаем, что полководцы, воодушевляя своих подчинённых, всегда любят напоминать им о семьях и родных; в то же время можно увидеть серьёзные последствия неуважительного отношения турок к браку, поскольку это делает их солдат ещё более подлыми. Несомненно, жена и дети являются испытанием для человеческой натуры.

Ответственность за семью — это не только сдерживающий фактор для человека, но и своего рода тренировка. Те,

кто ведет безбрачную жизнь, часто расточительно относятся к деньгам, но на самом деле они часто проявляют жестоко-сердие по отношению к тем, кто нуждается в помощи, потому что не умеют любить других.

Хорошие нравы способны воспитать мужчин с твердыми и серьезными чувствами, подобных Одиссею, который сумел устоять перед соблазном прекрасной богини и сохранил верность своей жене.

(Серьезные натуры, руководствующиеся обычаями и поэтому постоянные, обычно бывают любящими мужьями; как говорили об Одиссее: «*Vetulam suam praetulit immortalitati*».)

Незамужняя женщина часто бывает высокомерной и бесстыдной, поскольку ей нужно показать, что она, казалось бы, добровольно сохраняет свою целомудрие.

Если женщина гордится умом и достоинствами своего мужа, то это станет лучшей гарантией её верности. Но если женщина обнаружит, что её муж ревнив и мнителен, то она ни в коем случае не сочтёт его умным.

В жизни человека жена — это возлюбленная в молодости, спутница в зрелом возрасте и защитница в старости. Поэтому в течение всей жизни, при наличии подходящего кандидата, вступать в брак оправдано в любое время.

Однако есть один человек, который на вопрос о том, когда человеку следует вступать в брак, отвечает: «В молодости вступать в брак не следует, а в старости — тем более». И при этом его считают одним из мудрых людей. Мы часто видим,

как у плохого мужа бывает очень хорошая жена. Возможно, это потому, что их муж иногда бывает внимательным, и поэтому кажется особенно ценным. Возможно, это потому, что жены гордятся своим терпением. Но одно можно сказать наверняка: плохого мужа они выбрали сами, независимо от того, согласны ли с этим их родственники и друзья. В результате им приходится платить цену за свой выбор.

Глава 9. О ревности

Среди всех человеческих страстей две вещи больше всего способны ослепить разум: это любовь и ревность. Обе эти страсти могут пробуждать сильное желание, создавать иллюзорные образы и достаточно сильно одурманивать душу — если, конечно, существует такое явление, как колдовство.

Мы также видим, что в Библии ревность называется «злым глазом». Астрологи же называют неблагоприятные астрологические знаки «зловещими знаменами», так что люди, похоже, до сих пор считают, что когда проявляется ревность, глаза ревнующего краснеют, или, иначе говоря, у него появляются «красные глаза». Более того, некоторые, обладая особенно острым наблюдательским чутьем, даже заметили, что красные глаза у того, кто испытывает зависть, наиболее ярко проявляются именно в моменты, когда он полон самоуверенности или пребывает на вершине успеха, поскольку такое самодовольство заставляет огонь зависти гореть еще ярче. Кроме того, в такие моменты эмоции того, кто вызывает зависть, наиболее явно проявляются, и поэтому он наиболее уязвим для удара.

Оставив в стороне эти, казалось бы, загадочные утверждения, давайте сначала поговорим о том, какие люди наиболее склонны к зависти, а какие — чаще всего вызывают зависть, а также о том, чем отличается зависть в профессиональной

сфере от зависти в личной жизни.

Человек, лишенный нравственных принципов, неизбежно будет завидовать человеку нравственному. Ведь если душа человека не может черпать пищу из собственных достоинств, она обречена искать пищу в недостатках других. А завидующий человек — это, как правило, тот, кто сам лишен достоинств и не видит достоинств в других, поэтому он может обрести хоть каплю утешения лишь путем разрушения чужого счастья. Когда человеку не хватает какого-либо благородного качества, он обязательно будет принижать это качество у других, стремясь психологически восстановить равновесие.

Люди, которые любят совать нос не в своё дело и вынюхивать чужие тайны, обычно склонны к зависти. Ведь желание узнать о других столько всего не может быть обусловлено тем, что все эти события имеют отношение к его собственной славе или позору; следовательно, причина, безусловно, заключается в том, что, наблюдая за удачами и неудачами других, он испытывает такое же удовольствие, как при просмотре театрального спектакля. Тот, кто занимается только своими делами, вряд ли найдет многое, чему другие могли бы позавидовать. Ведь зависть — это бродячая страсть, которая бродит по улицам, а не сидит дома:

«Тот, кто любит вынюхивать чужие тайны, непременно таит в душе злые умыслы».

(Non est curiosus, quin idem sit malevolus.)

Наследственные аристократы явно завидуют стремительному взлету новых богачей, потому что расстояние между ними изменилось, и всё это, подобно оптической иллюзии, — хотя на самом деле это другие идут вперёд, — кажется, будто это ты сам отступаешь назад.

Евнухи, старики, инвалиды и внебрачные дети — все они склонны к зависти, поскольку не имеют возможности восполнить свои недостатки, они всячески стараются нанести ущерб другим, если только люди с вышеперечисленными недостатками не обладают мужеством и отвагой героев и не стремятся превратить свои врождённые недостатки в часть своей славы. Тогда люди скажут: «Как же евнух или хромой смог достичь столь огромных успехов!» — подобно тому, как евнух Насис, а также хромые Агесилай и Тимур сумели создать чудесную славу. Люди, получившие повышение после пережитых тяжелых испытаний, также склонны к зависти, поскольку они, словно отстающие от времени, полагают, что, если другим будет причинен вред, это компенсирует их собственные страдания.

Люди, пережившие огромные бедствия и испытания, также склонны к зависти. Ведь такие люди с удовольствием рассматривают неудачи других как компенсацию за страдания, пережитые ими в прошлом. Те, кто стремится превзойти других во многих делах, из-за своей легкомысленности и тщеславия также всегда подвержены зависти. Ведь в какой-то одной из этих областей обязательно найдутся многие,

кто превосходит их, и поэтому всегда найдутся поводы, вызывающие у них зависть. Император Адриан обладал именно таким характером: он до смерти завидовал поэтам, художникам и ремесленникам, поскольку всегда стремился превосходить других в этих видах деятельности.

Есть ещё один вид зависти — к близким родственникам, коллегам и товарищам детства; люди очень легко испытывают зависть, когда кто-то из их сверстников выделяется среди остальных. Ведь выдающиеся достижения сверстников вызывают комментарии об их удаче и способностях, которые часто надолго остаются в их памяти и, кроме того, привлекают внимание окружающих. Такие события, в сочетании с преувеличениями в разговорах и слухах, приводят к ещё большей зависти. Зависть Каина к своему брату Авелю была ещё более постыдной и злобной, поскольку, когда жертва Авеля была принята Богом, рядом не было посторонних свидетелей. На этом мы пока остановимся в разговоре о том, какие люди наиболее подвержены зависти к другим.

Теперь давайте поговорим о тех, кто в той или иной степени подвергается зависти со стороны других. Во-первых, добродетельные люди в пожилом возрасте редко вызывают зависть, поскольку их удача воспринимается окружающими как заслуженная награда, а на заслуженную награду никто не завидует; люди завидуют лишь чрезмерно щедрым наградам и милостыне. С другой стороны, зависть часто возникает при сравнении с другими людьми, то есть без сравнения

нет и зависти; поэтому правитель не может вызывать зависти у других, если только завидующий сам не является правителем. Однако следует отметить, что люди низкого происхождения наиболее подвержены зависти на самых ранних этапах своего восхождения к успеху; со временем эта зависть постепенно ослабевает. Напротив, люди, обладающие высокими нравственными качествами, наиболее подвержены зависти со стороны окружающих именно тогда, когда их удача не прекращается. Поэтому, хотя их достоинства остаются прежними, они уже не так ярко сияют, как раньше: достижения новых восходящих звезд затмевают их достоинства.

Люди благородного происхождения при получении повышения не сталкиваются с чрезмерной завистью со стороны окружающих, поскольку это кажется им заслуженным в силу их происхождения. Помимо этого, такое повышение, казалось бы, не приносит в их удачу ничего особенного, а зависть подобна солнечному свету: падая на набережную или на крутой неровный склон, она нагревает гораздо сильнее, чем на ровную поверхность. Кроме того, по той же причине те, кто продвигается по служебной лестнице шаг за шагом, не подвергаются такой сильной зависти со стороны окружающих, как те, кого повышают внезапно, с пропуском нескольких ступеней.

Те, кто обрёл честь, пройдя через тяжёлый труд, беды или риски, крайне редко вызывают зависть. Люди считают, что завоеванная ими честь далась нелегко, что она является ре-

результатом их упорных усилий и борьбы, а также заслуженной наградой. Поэтому иногда к ним даже испытывают сострадание, а сострадание всегда является лучшим лекарством от зависти. Поэтому вам следует обратить внимание на тех хитроумных политиков, которые, находясь на вершине карьеры, всё равно постоянно жалуются на, сетуя на то, какую жизнь они ведут, и говоря, что это просто мучительное существование. Дело не в том, что они действительно так себя чувствуют, а в том, чтобы ослабить зависть окружающих. Однако следует понимать, что такие сетования касаются тех дел, которые им навязывают другие, а не тех, о которых они сами просили, ведь ничто так не усиливает зависть, как стремление к всеобъемлющей власти, сопровождаемое чрезмерной активностью и амбициозностью. А лучшее средство устранить зависть — это когда влиятельный человек предоставляет своим подчинённым достаточные полномочия и заметное положение. Благодаря этому он возводит несколько барьеров между собой и завистью.

Ведь люди, высокомерные из-за своего богатства и высокого положения, наиболее подвержены зависти, поскольку такие люди чувствуют себя некомфортно, если не хвастаются своим богатством и положением; в результате они либо ведут себя вызывающе в речах и поведении, либо стремятся подавить все противоположные мнения и соперников. Однако умный человек предпочитает пойти на небольшие уступки и дать завистникам небольшую выгоду, иногда намеренно

уступая сопернику в тех вопросах, которые не имеют большого отношения к его личным интересам. Тем не менее, следующий факт хорошо иллюстрирует суть вопроса: открытое и честное отношение к богатству и положению вызывает меньше зависти, чем лицемерное и коварное, при условии, что в этой открытости и честности нет места высокомерию и самонадеянности. Ведь человек с таким отношением никогда не отрицает свою удачу, а это создает впечатление, будто он сам считает себя недостойным богатства и положения, и тем самым сам провоцирует у других чувство зависти.

В заключение подведем итоги данного раздела: как мы уже говорили в начале статьи, в поведении, продиктованном завистью, в той или иной степени присутствует некая магия, и поэтому единственный и самый эффективный способ избавиться от зависти — это устранить эту магию, то есть снять «заклятие» и переложить его на другого человека. Для достижения этой цели более умные влиятельные люди всегда выдвигают кого-то на авансцену, перекладывая на этого человека ту зависть, которая по праву должна была бы пасть на них самих — иногда на слуг и прислугу, иногда на соратников и коллег, — а добровольно брать на себя такую роль, как правило, готовы те, кто по натуре опрометчив и амбициозен. Эти люди готовы пойти на любую цену, лишь бы обрести власть и должность.

Кроме того, следует упомянуть и об общественной зависти, противоположной частной, в которой есть некото-

рые достоинства; общественная зависть не так бесполезна, как частная. Общественная зависть способна сдерживать поступки тех, кто обладает слишком большой властью. Таким образом, она служит для влиятельных лиц сдерживающим фактором и эффективной мерой, предотвращающей их выход за рамки дозволенного.

Такая общественная зависть или общественное возмущение порой направлены лишь против конкретного правителя, а не против политического строя в целом. Однако следует помнить следующий закон: если такое народное возмущение распространилось практически на всех министров, то политический строй этой страны непременно окажется под угрозой падения.

В заключение поговорим о чувстве ревности. Среди всех человеческих эмоций ревность — одна из самых назойливых, поскольку другие чувства возникают в определённое время и в определённом месте, появляясь лишь изредка. Поэтому древние мудро заметили, что ревность никогда не берёт отпуска, так как она постоянно бушует в душах некоторых людей. Люди также должны обратить внимание на то, что любовь и ревность действительно могут привести к истощению и похудению, в то время как другие чувства не вызывают таких последствий, поскольку они не могут существовать в любое время и в любом месте, как любовь и ревность. Ревность также является самым подлым и развращённым чувством, поэтому она является неотъемлемым атри-

бутом дьявола; дьявол — это тот самый ревнивец, который под покровом ночи сеет плевелы в пшеничных полях; как правило, ревность всегда таится в тени, тайно нанося ущерб зерновым культурам, таким как пшеница и просо.

Глава 10. О любви

Сравнивая, мы легко обнаруживаем, что театр извлекает из любви больше пользы, чем жизнь. Ведь на сцене любовь всегда служит материалом для комедий, а иногда и для трагедий, тогда как в жизни любовь всегда влечет за собой неприятности, порой напоминая коварную женщину, а порой — богиню мести.

Стоит обратить внимание на то, что с древних времён и до наших дней ни один из великих и знатных людей, о которых нам известно, не стал бездарным под влиянием соблазна любви; из этого можно сделать вывод, что великие люди и великие дела действительно могут оставаться совершенно чуждыми этой слабой страсти. Тем не менее, есть два случая, которые необходимо рассматривать как исключения: один из них — Марк Антоний, бывший одним из двух правителей Римской империи, а другой — Апиел Клавдий, один из десяти консулов и составитель свода законов. Первый действительно был распутником, не знавшим меры в своих увлечениях, а второй — человеком серьезным и мудрым. Поэтому, хотя это и редкость, похоже, что любовь может не только беспрепятственно проникнуть в незащищенное сердце, но и, если охрана даже слегка ослабнет, проникнуть и закрепиться даже в сердце, находящемся начеку.

Философ Эпикур сказал одну фразу, которая, безусловно,

звучит несколько нелепо:

«Человек может найти достаточно большую сцену у своего соседа».

(*Satis magnum alter alteri theatrum sumus.*)

Кажется, что человек с самого рождения должен взирать на небо и на всё возвышенное и погружаться в размышления, однако люди зачастую лишь преклоняются перед крошечным идолом, превращаясь в слабодушных подданных, подчиняющихся не столько слову, сколько взгляду, хотя глаза были даны им для гораздо более благородных целей.

Примечательно и странно то, что эта страсть чрезмерна: она бросает вызов природе и ценности вещей, а это происходит потому, что преувеличенный тон речи уместен лишь в любви. Её уместность заключается не только в использовании языка, ибо, как говорили древние: самым первым льстецом — с которым обмениваются информацией все последующие льстецы — является сам человек. Однако нельзя отрицать, что влюблённый — ещё больший льстец. Ведь ни один человек, каким бы гордым он ни был, не будет так высоко оценивать себя, как влюблённый по отношению к любимому человеку, — вплоть до смешного и нелепого, — поэтому древние мудрецы справедливо говорили: «Невозможно одновременно любить и быть мудрым.» Эта слабость не является чем-то, что замечают только окружающие, а сам объект любви не замечает; если только любовь не взаимна, то именно тот, кого любят, должен это особенно хорошо видеть.

Существует такой железный закон: вознаграждением за любовь всегда является либо любовь в ответ, либо тайное презрение со стороны любимого человека в глубине его души. Поэтому людям следует с особой осторожностью относиться к этой страсти, ибо она не только лишает человека других ценностей, но и не позволяет сохранить саму любовь. Что же касается других потерь, то поэты в своих эпосах прекрасно изобразили это: подобно тому, как тот, кто полюбил Елену, отказался от даров Юноны и Парады. Любой, кто погряз в любви, лишится из-за этого двух вещей: богатства и мудрости.

Любовь легче всего проникает в душу человека в моменты его наибольшей уязвимости — когда он пребывает на вершине успеха, увлечённый собственным величием, или же находится в бедственном положении, одиноким и несчастным. Хотя в последней ситуации любовь даётся нелегко, именно в такие моменты человек больше всего стремится броситься в огонь любви. Из этого видно, что «любовь» действительно является сыном «глупости». Однако есть люди, которые, даже испытывая любовь в сердце, способны сдерживать её, не позволяя ей мешать важным делам. Ведь как только любовь начинает мешать развитию дела, она препятствует решительному движению человека к поставленной цели.

Я не знаю, в чём причина, но многие военные очень легко влюбляются; возможно, это похоже на их пристрастие к выпивке: опасная жизнь требует радости в качестве компен-

сации.

Возможно, в сердце человека таится склонность к всеобщей любви; если она не сосредоточивается на каком-то одном объекте, то неизбежно приносит пользу более широким массам, делая его милосердным и добрым человеком, подобно монаху.

Любовь между супругами позволяет человечеству продолжать род. Дружба между друзьями помогает человеку совершенствоваться. Но развратная и безрассудная любовь ведёт человека лишь к падению и гибели!

Глава 11. О высоком положении

В глазах обычных людей человек, занимающий высокий пост, является властелином власти и символом достоинства, однако он также является слугой, несущим тройную ответственность. Во-первых, он слуга монарха или государства, во-вторых — слуга славы, и, наконец, он слуга своего дела; поэтому они лишены свободы — у них нет ни личной свободы, ни свободы действий, ни свободы распоряжаться своим временем. В погоне за властью они теряют свободу, или, иначе говоря, обретая власть над другими, теряют власть над самими собой — это странное стремление.

Продвижение по службе — дело весьма хлопотное и трудоемкое, но, перенеся всевозможные лишения, люди получают в награду еще большие лишения; у некоторых пути к повышению по службе презренны: они становятся высокопоставленными чиновниками и знатными лицами с помощью средств, унижающих достоинство. Такие люди занимают высокие посты, но не могут удержаться на них, ведь любой шаг назад означает для них либо падение, либо утрату репутации — и это печально. «Когда ты перестаешь быть тем, кем был когда-то, у тебя больше нет ни надежды, ни причины жить». Тем не менее, некоторые не могут уйти, когда хотят, и не хотят уходить, когда должны, а те, кто ушел, не могут смириться с полным уходом из жизни. Старики, инвалиды и

больные по идее должны пользоваться защитой, но их судьба оказывается такой же. Подобно старикам в городах, они годами упорно сидят на перекрестках рынков, и их дряхлый вид вызывает у прохожих насмешки, на которые они не обращают внимания.

Ещё более любопытно то, что люди, занимающие высокие посты, могут подтвердить своё счастье лишь через взгляд окружающих. А если судить по собственным ощущениям, то найти ответ на вопрос, действительно ли они счастливы, бывает очень сложно. Часто они утешают себя лишь завистью и подражанием со стороны окружающих. Это дарит им чувство гордости, удовлетворения и чести, хотя в тот самый момент их внутренние мысли, возможно, прямо противоположны. Они также время от времени испытывают тревогу, хотя по-настоящему осознать свои ошибки могут лишь тогда, когда конец действительно наступает.

Высокопоставленные чиновники и знатные люди зачастую не имеют времени заботиться о своем физическом и душевном здоровье. Сенека говорил:

«Хотя я и известен всему миру, сам я ничего не знаю — разве не несчастье умереть таким образом?»

(*Illi mors gravis incubat, qui notus nimis omnibus, ignotus moritur sibi.*)

Власть имущие способны как творить добро, так и творить зло, однако зло подвергается осуждению общественного мнения, поэтому лучше воздерживаться от подобных по-

ступков. Стремление творить добро достойно похвалы, но если останавливаться лишь на благих намерениях, то, хотя Бог и может это принять, для земного мира это не лучше, чем сон. Многие добрые дела человечества можно осуществить лишь с помощью власти.

Достижение славы и совершение великих дел — вот цель, ради которой люди стремятся к высоким постам; и если человек видит, что эта цель достигается его собственными силами, он может спокойно отправиться в иной мир. А тот, кому суждено стать участником Божьего спектакля, сможет разделить с Богом Его субботний покой.

Мы все понимаем следующую истину: выполняя свои обязанности, нужно брать за образец лучших примеров. А спустя некоторое время нужно поставить перед собой свой собственный пример и строго анализировать и контролировать себя, чтобы понять, делаешь ли ты это лучше, чем раньше. Не обращайте внимания на некомпетентных людей, занимающих те же должности; неставляйте себя в лучшем свете, пороча их репутацию, а используйте их ошибки для собственного самосовершенствования. Поэтому, проводя реформы, не следует ни нарочито хвастаться своими достижениями, ни злонамеренно клеветать на своих предшественников; одновременно нужно установить для себя правила, чтобы создать хороший прецедент, которому можно будет следовать.

Рассматривая любое дело, всегда ищите его истоки, вы-

ясняйте, откуда оно взялось и как пришло в упадок, но при этом обращайтесь за советом как к древности, так и к современности: обращайтесь к истории, чтобы понять, что является лучшим, а к современности — чтобы обнаружить, что является наиболее подходящим. Следует постараться сделать так, чтобы ваши действия следовали установленным правилам, чтобы люди заранее знали, что произойдет, но ни в коем случае не будьте слишком авторитарны и высокомерны; когда вы отклоняетесь от своих правил, обязательно четко объясните причину. Вы должны отстаивать права, связанные с вашей должностью, но при этом не допускать проблем с превышением полномочий; иными словами, лучше незаметно пользоваться своими правами на деле, чем открыто заявлять о них и требовать их соблюдения. Также следует защищать права подчиненных и четко осознавать, кто является руководителем — это гораздо достойнее, чем заниматься всем лично. Помощь и советы, связанные с выполнением служебных обязанностей, следует с радостью принимать и приветствовать; не следует отгонять тех, кто приносит вам информацию, считая их суетливыми, а нужно относиться к ним с дружелюбием.

Если понаблюдать за людьми, занимающими высокие посты, можно заметить, что у них обычно есть четыре основных недостатка: медлительность, коррупция, грубость и стремление сохранить лицо.

Что касается промедления, то чтобы его избежать, следу-

ет создавать впечатление доступности и открытости, особенно строго соблюдать время при встречах, а дела, лежащие на столе, решать на одном дыхании, ни в коем случае не смешивая несколько вопросов для одновременного рассмотрения и решения, если в этом нет крайней необходимости.

Что касается вопроса о взяточничестве и получении подкупа, то необходимо не только удерживать себя и своих подчиненных от принятия взяток, но и сдерживать тех, кто просит о пощаде, чтобы они не давали взятку. Ведь честность действует только на нас самих, но создание образа честного человека в сочетании с репутацией того, кто глубоко презирует взятки, будет оказывать влияние и на других. Необходимо не только предотвращать сами случаи получения взяток, но и стремиться избегать даже подозрений в этом. Все, кого считают непостоянными, а также те, кто, не имея явных причин, явно меняет свой курс, легко вызывают подозрения в коррупции. Поэтому всякий раз, когда вы намереваетесь изменить своё решение или курс, обязательно публично разъясните это дело и причины вашего изменения, не пытаясь уйти от ответа. Если у вас есть подчиненные или доверенные лица, с которыми вы поддерживаете особенно тесные отношения, но у которых нет явных достоинств, это легко может быть расценено как канал для тайного получения взяток.

Что касается грубости, то это черта характера, вызывающая недовольство, а не неизбежное явление. Строгость внушает страх, а грубость — вызывает недовольство. Даже

при выговоре подчиненным следует заменить язвительность строгостью.

Чрезмерная забота о репутации на самом деле наносит больший вред, чем взяточничество. Ведь если человек погряз в заботе о репутации, он будет постоянно находиться под её гнетом и мучиться из-за неё. Как сказал Соломон: «Плохо, если во всём всегда заботиться о репутации других; если человек нарушает закон ради куска хлеба, то потеря будет больше, чем выгода».

Древние мудрецы совершенно верно подметили: «Как только человек обретает власть, он показывает свое истинное лицо. Либо он становится более нравственным, либо — еще более безнравственным». «Если бы он не был императором, то все считали бы его достойным этого звания» — так сказал Тацит, говоря о Гарпе. Однако, говоря о Веспасиане, он отметил: «Веспасиан — единственный император, который, обретя власть, стал еще более нравственным». Хотя в первом случае речь идет о способностях к управлению, а во втором — о поведении и характере.

Если стремление к чести способно заставить человека исправить свои ошибки, то это свидетельствует о том, что он достоин уважения и великодушен, ибо честь — это добродетель, и, подобно природе, вещи бушуют, когда меняют своё положение, и успокаиваются, когда остаются на месте. То же самое и с добродетелью: в порыве амбиций она бушует, а обретя власть, становится устойчивой и спокойной.

Ни один человек не становится знатным, не поднявшись по извилистой лестнице; и если существуют фракции, то на пути к вершине можно присоединиться к одной из них, но, достигнув высокого положения, следует сохранять беспристрастность. Оценивая впечатление, которое оставил о себе ваш предшественник, следует проявлять справедливость и осмотрительность, ибо в противном случае это станет не просто долгом, а обязательством, которое вам непременно придётся погасить при уходе с должности. Если у тебя есть коллеги, то ты должен уважать их и призывать их к себе, когда они этого не ожидают, но не отказывай им, когда у них есть веские причины и они хотят быть вызванными. Однако при частной беседе с просящим не будь чрезмерно чувствителен к своему положению или к тому, помнят ли о нём другие; лучше услышать такую оценку: «Когда он исполняет свои обязанности, он становится совсем другим человеком».

Глава 12. О мужестве

Демосфена однажды спросили: «Что является самым важным для оратора?» Он ответил: «Мимика». «А что на втором месте?» «Мимика». «А на третьем?» «Все-таки мимика». Хотя это и простой отрывок из учебника для средней школы, в нём содержится многое, над чем стоит поразмыслить умному человеку.

Демосфен был известным оратором, но в том, что он так высоко ценил — мимике, — он не особо преуспевал. Почему же тогда он придавал «мимике» столь высокое значение, ведь чёткость произношения, оригинальность речи и прочее гораздо важнее? На первый взгляд это кажется странным, но стоит лишь немного поразмыслить, как становится понятна суть. В человеческой природе глупость всегда преобладает над мудростью, а напыщенное представление зачастую способно тронуть лишь сердца посредственных людей — это как раз и является искусным использованием глупой стороны человеческой натуры.

Аналогичным явлением является политическая смелость. Если бы кто-то спросил, какая способность является самой важной в политике, то ответом, безусловно, стала бы «смелость»; а что на втором и третьем месте? Все равно «смелость». Хотя смелость и является плодом невежества и бесстыдства, поэтому ее вообще нельзя ставить в один ряд с дру-

гими способностями, тем не менее она действительно способна одурачивать и сдерживать тех, кто составляет подавляющее большинство — близоруких и трусливых людей; даже умные люди часто оказываются парализованными временным заблуждением. Поэтому мы видим, что смелость творит чудеса в республиках, но в сенаторских или монархических государствах проявляет себя весьма скромно. Кроме того, смелость всегда дает потрясающий эффект, когда впервые появляется смелый человек, но впоследствии теряет свою силу, поскольку смелые поступки никогда не позволяют выполнить обещания, данные на основе этой смелости.

Как существуют «шахраи-целители», лечащие людей, так существуют и «шахраи-целители», лечащие государства; именно эти люди предпринимают радикальные меры, которым, возможно, сопутствовала удача в одном-двух экспериментах, но из-за отсутствия прочной теоретической базы им не суждено долго пользоваться удачей.

Более того, вы увидите, как смелый человек неоднократно творит чудеса, подобные чудесам Мухаммеда. Мухаммед убедил людей, что он способен приказать горе предстать перед ним, чтобы на её вершине помолиться за тех, кто соблюдает его законы. Люди собрались, и Мухаммед снова и снова призывал гору прийти к нему, но гора не сдвигалась с места. Однако он ничуть не смутился, а сказал: «Если гора не хочет прийти к Мухаммеду, то Мухаммеду придётся пойти к горе». Поэтому эти люди, когда дают громкие обещания,

но не могут их выполнить из-за неудачи, просто игнорируют это и меняют свою позицию, не беспокоясь об этом.

Без сомнения, для человека, много выдавшего и много знающего, дерзкий человек — всего лишь повод для смеха, а даже для обычного человека смелый человек кажется немного ненормальным. Если нелепость служит материалом для шуток, то это убеждает в том, что подлинная смелость обязательно содержит в себе долю нелепости. Особо стоит отметить, что смельчак, потеряв лицо, сжимается и замирает как вкопанный, тогда как трус, потеряв лицо, всё ещё имеет возможность маневра. В подобной ситуации смельчак оказывается в безвыходном положении, словно король в шахматах, попавший в пат: хотя ему ещё не объявлен мат, он не может пошевелиться. Впрочем, последнее подходит скорее для сатирических зарисовок, чем для обсуждения более серьёзных тем.

Храбрость всегда слепа, поскольку не видит предстоящих опасностей и неприятностей. Поэтому применять храбрость при принятии решений крайне вредно, а при действиях — весьма полезно. По этой причине к храбрецам следует относиться с пониманием и умением правильно распределять обязанности: их ни в коем случае нельзя назначать военачальниками, а можно только назначать в качестве заместителей, причём они должны подчиняться чужому командованию.

Ведь при обсуждении любого дела лучше всего учитывать

возможные риски, а при выполнении — лучше не обращать на них внимания, если только эти риски не слишком велики и не грозят огромными потерями или даже гибелью.

(Ибо при обсуждении вопросов полезно предвидеть опасности, а при выполнении — не обращать на них внимания, если только они не являются чрезвычайно великими.)

Глава 13. О добродетели

Говоря о добродетели, я понимаю её именно в этом смысле: добродетель — это исходящее из сердца стремление приносить людям счастье, то есть то, что греки называют «агапе», тогда как в том значении, в котором это слово обычно употребляется, понятие «добродетели» теряет часть своего веса. Среди всех добродетелей и высоких духовных качеств доброта является величайшей, ибо она является атрибутом Бога; без неё человек — это беспокойное, вредное, жалкое существо, просто вредитель.

«Доброта» соответствует «любви» в теологическом смысле, но при этом не допускает никаких отклонений. Чрезмерное стремление к власти может привести к падению ангелов, а чрезмерное стремление к знанию — к падению людей, но в «любви» нет границы «чрезмерности»: ни у ангелов, ни у людей не возникает проблем с «любовью».

Склонность к доброте, можно сказать, присуща человеческой природе. Если эта доброта не проявляется по отношению к людям, она проявляется по отношению к другим живым существам. Например, турки кажутся варварским народом, но они очень милосердны к животным, таким как собаки и птицы. Согласно рассказу Берсбеса, один европеец в Константинополе едва не был забит камнями местными жителями за то, что дразнил птицу.

У итальянцев есть пошлое пословице: «Человек настолько добр, что уже не представляет никакого интереса». А один известный итальянский ученый по имени Макиавелли однажды смело и прямо написал: «Христианская вера приносит добрых людей в жертву жестоким и незаконным людям». Он сказал это потому, что действительно ни одна религия, ни одна секта, ни одна доктрина не возвышает «доброту» так, как христианство. Поэтому, чтобы избежать неуважения и не подвергаться риску, лучше иметь представление о заблуждениях, связанных с этим благородным качеством.

Следует стремиться направлять других к добру, а не позволять себе быть скованным их внешностью или странными мыслями, ибо это лишь то, чем легче всего обмануть или одурачить, а если человек легко поддается обману или одурачиванию, то честный ум становится пленником. Не дарите драгоценный камень петуху из «Басен Эзо» из благих намерений, ведь лучше уже подарить ему зернышко ячменя — он, возможно, почувствует себя гораздо более довольным и счастливым.

Пример Бога даёт нам важный урок: «Небесный Отец позволяет солнцу светить и над добрыми, и над злыми, и посылает дождь как на делающих добро, так и на творящих зло, но Он не посылает дождя богатства и не озаряет людей в равной мере славой и добродетелью.» Общие блага должны быть доступны всем, но особые блага должны доставаться только избранным. Кроме того, следует помнить, что при рисовании

портрета нельзя разбивать модель. Ведь Божественность берет за образец любовь к самим себе. «Продай всё своё имущество, раздай деньги бедным и иди за Мной». То есть, если ты не собираешься следовать за Мной, если у тебя нет Божественного призвания, дающего тебе способность совершать великие дела, для которых обычно требуются огромные ресурсы, используя лишь небольшие средства, то не продавай все своё имущество. В противном случае ты, как будто, чтобы наполнить реку, иссушишь источник, и это будет делом, не стоящим затраченных усилий.

В человеческой природе есть как врождённая склонность к добру, так и врождённая склонность ко злу. Такие черты характера, как тщеславие, вспыльчивость и упрямство, ещё не самые худшие. Самым злым поступком является зависть и причинение вреда другим из-за неё. Есть люди, которые зарабатывают на жизнь тем, что специально подливают масла в огонь и приносят беду другим — они хуже даже той злобной собаки из Библии, которая питалась лизанием ран, и больше похожи на мух, питающихся соками трупов. Эти «существа, ненавидящие человечество», являются полной противоположностью афинского Тимена — хотя в их саду и нет ни одного дерева, которое могло бы принести пользу другим, они всё равно соблазняют людей повеситься, чтобы таким образом реализовать свои так называемые ценности и смысл жизни. Такие люди, возможно, и подходят на роль политиков: они подобны искривленному дереву, из которого можно

построить корабль, но не сделать опорную балку. Ведь корабль обречен на качку в море, а опорная балка должна быть прямой и прочно стоять на месте.

Доброта состоит из многих частей и имеет самые разнообразные проявления. Если человек приветлив и вежлив с незнакомцами, это свидетельствует о том, что он — гражданин мира, а его сердце — это материк, соединенный с другими материками, а не остров, изолированный от других материков.

Если он сострадает чужим страданиям, это означает, что его сердце подобно благородному дереву, которое, выделяя благоухающую смолу, служащую лекарством или обезболивающим средством, само получает рану.

(Если он сострадателен к страданиям других, это означает, что его сердце подобно благородному дереву, которое само ранится, когда дарит бальзам.)

Если он от всего сердца прощает и извиняет обиды других, это означает, что его разум не может быть ранен, а возвышается над обидой. Если он испытывает благодарность даже за самую незначительную полученную выгоду, это означает, что он ценит ум людей, а не их богатство. В особенности, если он обладает высшим добродетелем святого Павла — ведь известно, что ради спасения своих братьев святой Павел предпочел бы подвергнуться проклятию Христа, — это свидетельствует о том, что он обладает необыкновенной божественностью и находится на одном уровне с Христом.

Глава 14. О дворянстве

Теперь вернёмся к теме аристократии. Аристократия — это, прежде всего, один из сословий в государстве, а также особое положение человека. Если в монархическом государстве вообще нет аристократии, то оно становится чистой деспотией; таким, например, является турецкая монархия, поскольку наличие аристократии значительно смягчает королевскую власть и в некоторой степени отвлекает внимание народа от чрезмерной концентрации власти в руках королевской семьи. Однако демократические государства не нуждаются в аристократии. По сравнению со странами, где существует аристократия, демократические государства отличаются большей стабильностью и не подвержены столь сильному влиянию подстрекательских высказываний — ведь в демократическом обществе внимание людей сосредоточено на работе, а не на какой-то отдельной группе людей; и даже если внимание и обращается на эту группу, то лишь для того, чтобы оценить, насколько они компетентны, а не для того, чтобы придавать значение их происхождению и родословной.

Мы видим, что Швейцария, несмотря на множество конфессий, приверженность старым традициям и раздробленность, всегда оставалась страной, где царит длительный мир и стабильность. Это объясняется тем, что их объединяют общие интересы, а не статус и титулы. Республиканская систе-

ма Нидерландов также весьма эффективна: благодаря принципу равенства права граждан одинаковы, поэтому каждый соблюдает законы и добросовестно выполняет свои налоговые обязательства. Мощный дворянский сословие, хотя и может укрепить авторитет государства и власть, тем не менее ослабляет власть монарха. Простолюдины, конечно, благодаря существованию дворянства получают честь и стимул подняться к дворянскому сословию, но в большей степени испытывают давление со стороны дворянского сословия. Кроме того, роскошный и разгульный образ жизни аристократии поддерживается исключительно за счёт эксплуатации труда простого народа. Поэтому, если в стране слишком много аристократов, она неизбежно будет бедной. А чем древнее родословная аристократического рода, тем неизбежнее его упадок; в результате между бедностью и престижем аристократии возникает крайне дисгармоничный контраст.

Далее давайте поговорим о дворянстве с точки зрения личного статуса. Когда мы видим старинный замок или особняк, ещё не полностью пришедший в упадок, или высокое древнее дерево, всё ещё пышное и густолистное, мы невольно испытываем благоговейное уважение; а когда становимся свидетелями того, как дворянский род пережил все превратности времени, это чувство уважения, конечно же, становится ещё глубже. Ведь в глазах мира новоиспечённые аристократы — всего лишь результат реальной власти, тогда как древняя аристократия — творение времени. Первые пред-

ки аристократических родов зачастую были более талантливы, чем их потомки, но они далеко не так безупречны, как их потомки, ведь редко кто в погоне за высокими постами и в осуществлении своих грандиозных планов обходится без интриг и коварства. Однако потомки, как правило, помнят только достоинства предков и пользуются их богатством, а недостатки предков давно исчезли вместе с их смертью, что, можно сказать, вполне естественно.

Большинство людей, происходящих из аристократических семей, не отличаются трудолюбием, а те, кто не трудолюбив, часто завидуют трудолюбивым.

(Nobility of birth commonly abateth industry; and he that is not industrious envieth him that is.)

Иными словами, раз человек родился аристократом, ему вряд ли удастся подняться еще выше по служебной лестнице, и тот, кто привязан к своему прежнему положению, неизбежно испытывает зависть, видя, как другие стремительно поднимаются по карьерной лестнице. Но с другой стороны, наследственная аристократия может устранить потенциальную зависть со стороны других, поскольку ее представители от природы обладают этим почетом. Несомненно, если у монарха есть способные люди среди знати, он может с лёгкостью использовать этих представителей аристократической элиты, а они, в свою очередь, будут преданны и добросовестны, легко и непринуждённо выполняя свои обязанности, поскольку народ будет считать, что эти люди от природы об-

ладают правом отдавать приказы, и, естественно, будет им подчиняться.

Глава 15. О мятеже

Тот, кто защищает народ, должен понимать предвестники политических потрясений в государстве, ибо, как правило, политические потрясения наиболее сильны тогда, когда силы обеих сторон уравновешены; это подобно тому, как в природе бури наиболее свирепы в дни весеннего или осеннего равноденствия: перед наступлением бури часто поднимается угрюмый ветер, море постепенно начинает бушевать, и то же самое происходит в государстве.

Бог Солнца некогда предупреждал людей о грядущем жестоком мятеже, о том, что зреют измены и тайные войны: в это время часто появляются клеветы и дерзкие высказывания в адрес государства, причём открыто. Кроме того, политические слухи, как правило, распространяются с невероятной скоростью; они наносят ущерб государству, но при этом люди часто поспешно принимают их на веру — всё это является предвестниками беспорядков. Вегирий, описывая родословную богини слухов, говорит: «Она — сестра великих гигантов».

Согласно легенде, боги разгневали богиню Земли Теру, что привело к тому, что она, охваченная яростью, родила богиню слухов, которая стала сестрой Кео и Энкрадоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.